

Тем временем в резиденции генерала жизнь была ключом.

Снующие туда-сюда слуги наводили порядок во дворе. С дорожек тщательно убирали малейшие камешки, а каменные ступени безжалостно скалывали, заменяя их пологими пандусами.

Вымощенные речной галькой тропинки перекладывали ровными каменными плитами, а вокруг пруда устанавливали прочные, высокие перила.

Цзян Чуан приказал сровнять с землёй любое, даже самое незначительное препятствие на пути.

Сам генерал не терпел излишеств и роскоши, к тому же годами не бывал в столице. Слуги же, прибывшие с Вэнь Цзюэ из императорского дворца, к чёрной работе приучены не были: они умели лишь ухаживать за господином, а в деле благоустройства от них было меньше толку, чем от самого Цзян Чуана.

Если посчитать управителя, кухарок и дворовых ребят, во всей резиденции едва ли набирался десяток слуг, так что дело двигалось медленно.

Вернувшись с базара, Цзян Чуан засучил рукава, прихватил своего верного помощника Чэнь Линя и самолично принялся за работу. Слуги от такого зрелища едва ума не лишились: они принялись падать на колени, умоляя пощадить их и не брать грех на душу.

Жизнь в столице утомляла генерала: привыкший к простому походному быту, он терпеть не мог этих вечных церемоний и преклонений.

Не обращая внимания на причитания челяди, он продолжал таскать камни. Увидев это, управитель прикрикнул на остальных, велел поживее браться за лопаты, пока промедление не навлекло на них ещё больший гнев господина. Только тогда слуги нехотя поднялись.

Когда к делу приложил руку сам Цзян Чуан, границы между господами и слугами стёрлись окончательно. Более того, хозяин усадьбы трудился усерднее любого батрака.

Однако с каждым взмахом лопаты у Цзян Чуана всё сильнее щемило сердце. Как Чжиюй справлялся здесь в прошлой жизни, когда эта резиденция таила в себе столько «опасностей» на каждом шагу?

Наверное, каждый божий день он проводил в постоянном страхе оступиться, да ещё и тратил последние силы, стараясь угодить своему непутёвому супругу.

Подойдя к жилым покоям, генерал недовольно нахмурился. Вдоль дорожек теснились бесчисленные горшки с диковинными цветами, источавшими густой, удушливый аромат.

Для обычного человека эти запахи казались приятными, к ним быстро привыкали.

Но Вэнь Цзюэ был устроен иначе. Цзян Чуан помнил, что обоняние у незрячего юноши было развито чрезвычайно тонко, ведь за отсутствием зрения он полагался исключительно на слух, осязание и запахи.

Вся эта пестрота ароматов лишь раздражала его и сбивала с толку.

Не мешкая ни секунды, Цзян Чуан подозвал управителя и велел немедленно убрать все

растения прочь с глаз долой.

Тот поклонился и тут же велел работникам бросить прочие дела и заняться перетаскиванием горшков.

Солнце уже перевалило за полдень, время обеда давно прошло, а Вэнь Цзюэ всё не возвращался. Цзян Чуан то и дело прерывал работу, всматриваясь в сторону ворот с таким усердием, что едва не превратился в каменную статую, ждущую супруга.

Но вместо желанного экипажа у ворот слышался девичий визг и крики.

— Кто посмел выдрать мои цветы?! Чьих это рук дело?! — раздался звонкий, гневный девичий голос.

Управитель поспешил навстречу гостье, заискивающе кланяясь:

— Госпожа Су, помилуйте! Это личное распоряжение генерала. Он изволил сказать, что пятому принцу не по душе сильные запахи. Не будь на то воли хозяина, разве посмели бы мы тронуть ваши любимые клумбы?

Девушка по фамилии Су была одета в изящное, хоть и неброское белое платье из тонкого шёлка. Черты её лица отличались миловидностью, однако спесивое выражение мгновенно лишало её всякого очарования.

Она смерила управителя презрительным взглядом:

— Дерзкий раб! Врёшь и не краснеешь! С каких это пор генерала стали заботить подобные пустяки?

— В мыслях не было лгать вам, госпожа Су! Коли не верите, спросите у самого генерала! — взмолился бедняга.

Су Чжи уже набрала в грудь воздуха для новой порции ругани, но вдруг осеклась. Сделав шаг вперёд, она приглушила голос:

— Уж не этот ли пятый принц прикрывается именем генерала, чтобы помыкать вами?

Она обвела хмурым взглядом суесящихся во дворе слуг и процедила:

— Едва успел порог переступить, а уже заправляет тут всем! С чего бы вдруг такая спесь? Прежде тише воды сидел, а как женился – сразу принялся порядки свои наводить!

— Госпожа Су, потише... — испуганно шепнул управитель.

— Какая же ты трусливая тварь! — фыркнула Су Чжи. — Неужто ты робеешь перед этим калекой? Всем ведомо, что во дворце его ни во что не ставили, да и генерал его терпеть не может. Вот уедет господин на войну, и усадьба вновь перейдёт в мои и матушкины руки!

Управитель замялся, не зная, что и думать. С одной стороны, он не ведал истинных помыслов генерала, с другой – когда хозяина усадьбы не было дома, главными здесь, кроме госпожи Чэнь, оставалась эта девушка Су.

Порыв ветра швырнул ей в лицо алую шёлковую ленту, оставшуюся от свадебных украшений. Разъярённая Су Чжи сорвала её с ветки и швырнула в лицо управителю, закатив глаза:

— Бедный генерал! Вынужден делить ложе с тем, кто ему противен. Тьфу! Да эта свадьба больше походит на поминки!

Подошедший как раз в этот момент Цзян Чуан расслышал её последние слова до единого слога. Его лицо мгновенно потемнело от ярости. Он замер в стороне, буравя смутьянку ледяным взглядом.

— Чтобы к вечеру все цветы были на месте, иначе я с тебя три шкуры спущу! — продолжала неистовствовать Су Чжи.

Управитель замахал руками в отчаянии:

— Но помилуйте, госпожа Су... Генерал самолично велел убрать их! Давайте я велю посадить эти цветы в вашем собственном саду, а?

Су Чжи с размаху пнула его в плечо:

— Тварь бессловесная! Вот и ступай к своему генералу и скажи, что эти растения нужны мне для дела! Не верю я, чтобы он предпочёл потакать какому-то слепцу взамен моего расположения!

— Откуда в тебе столько наглости, чтобы вообразить, будто ты значишь для меня больше пятого принца? — раздался из-за её спины грозный, раскатистый голос Цзян Чуана.

Управитель посмотрел на него как на избавителя и едва не расплакался от облегчения:

— Генерал!

Су Чжи резко обернулась и, завидев хозяина усадьбы, торопливо отдернула ногу. На её лице промелькнула радость, которую она тут же попыталась скрыть под маской кротости:

— Генерал, вы меня не так поняли! Вы ведь постоянно рискуете жизнью на поле брани и возвращаетесь израненным. Я кропотливо растила эти травы, дабы готовить для вас целебные снадобья. Разве справедливо губить мои труды в угоду прихотям пятого принца?

При упоминании Вэнь Цзюэ её хорошенькое личико вновь исказила гримаса брезгливости.

Цзян Чуан холодно разглядывал её, припоминая, кем приходится ему эта особа.

Несколько лет назад на поле боя враги загнали его в реку. Едва живого воина вытащила из воды и выходила Су Чжи. В благодарность за спасение Цзян Чуан предлагал ей золото и драгоценности, но девица наотрез отказалась от богатств.

Вместо этого она принялась упрекать его долгом жизни, требуя дозволения остаться подле него – дескать, раз она спасла его, то и беречь его здоровье отныне её забота.

Генерал не любил оставаться в долгу, а потому не стал спорить. Когда пришло время возвращаться в столицу, Су Чжи пожелала ехать с ним. Цзян Чуану было недосуг разбираться в её девичьих помыслах, и он просто махнул рукой.

Он велел слугам беспрекословно исполнять её капризы и приносить всё, что потребуется, лишь бы она держалась от него подальше и не докучала расспросами.

Однако его тётушка, госпожа Чэнь, завидев в доме молодую девицу, решила, что племянник

наконец-то остепенился, и принялась усердно сватать их друг другу.

В конце концов Су Чжи прочно обосновалась в его резиденции и больше не рвалась на передовую.

Лишь теперь, воочию понаблюдав за её поведением, Цзян Чуан понял, что девица давно считает себя полноправной хозяйкой усадьбы – и, судя по всему, не без молчаливого одобрения тётушки.

От этой мысли его едва не вывернуло наизнанку. Генерал слишком хорошо помнил, как в прошлой жизни эта змея умудрилась вбить клин между ним и Чжиюем – и её коварный план тогда увенчался успехом.

Заметив его молчание, Су Чжи робко позвала:

— Генерал?

Цзян Чуан нахмурился, смерив её взглядом, полным неприкрытого отвращения. Су Чжи отшатнулась, чувствуя одновременно испуг и глубокую обиду.

— Сгинут эти сорняки – и ладно, — отрезал генерал. — Под моим началом служат лучшие лекари, так что госпоже Су не о чем беспокоиться.

Управитель услышал эти слова и тут же расправил плечи, а ноющая боль в ушибе мгновенно утихла. Он мысленно порадовался, что не поддался на угрозы вздорной девицы, иначе сейчас ему несдобровать бы перед разгневанным хозяином.

Су Чжи ошарашенно хлопала глазами. Пусть Цзян Чуан никогда не баловал её нежностью, но столь откровенной грубости она от него ещё не слыхала.

Она до боли сжала кулаки, сгорая от стыда под глумливыми взглядами дворовых слуг.

Цзян Чуан повернулся к управителю и ледяным тоном приказал:

— Проводи госпожу Су в её покои. Пусть сидит там и не высовывает носа без моего дозволения.

Ему следовало хорошенько поразмыслить, как избавиться от настырной девицы, чтобы она не смела мозолить глаза Чжиюю. Самым разумным было отослать её куда-нибудь подальше.

Долг жизни следовало вернуть сполна, но это не давало ей права бесчинствовать в его доме.

— Слушаюсь! Прошу вас, госпожа Су! — услужливо поклонился управитель.

Но та не двинулась с места, буравя генерала яростным взглядом:

— Неужто вы позабыли, генерал, кому обязаны своей жизнью? Не окажись я тогда у реки, вы бы давно...

— Госпожа Су, прошу вас! Пройдёмте! — поспешно перебил её управитель.

Работники в дальнем конце двора делали вид, будто прилежно метут дорожки, но сами вовсю грели уши, украдкой переглядываясь друг с другом.

«Похоже, хоть наш генерал и не жалуется пятого принца, но императорскую власть уважает свято, коли даже своей любимице Су спуску не даёт!» – шушукались они.

Вслед за тем до них донёлся суровый голос Цзян Чуана:

— О твоём благодеянии я помню отлично. Именно поэтому ты ни в чём не знаешь отказа и купаешься в роскоши. Но запомни раз и навсегда: ты здесь лишь гостья, а не хозяйка. Знай своё место!

Эти слова вмиг разрушили весь почёт, что Су Чжи годами выстраивала в резиденции, и сорвали с неё маску благородной дамы.

Она затряслась от бессильной злобы, собираясь высказать всё, что думает, как вдруг во двор влетел запыхавшийся Чэнь Линь.

— Генерал! Экипаж пятого принца у ворот! — гаркнул он.

Лицо Цзян Чуана в одно мгновение просияло. В его глазах вспыхнули такая нежность и такое трепетное ожидание, что он, забыв обо всём, со всех ног бросился к выходу.

Су Чжи никогда не видела его таким. Она застыла как вкопанная, а перед её мысленным взором всё стоял этот сияющий от счастья лик сурового воина.

Управитель, решив, что она упрямится, нетерпеливо буркнул:

— Госпожа Су, ежели вы останетесь здесь, слуги лишь посмеются над вами.

Впрочем, всё, что нужно и не нужно, челядь уже успела расслышать.

Опомнившись, Су Чжи презрительно фыркнула и, не проронив более ни слова, зашагала прочь.

У ворот Вэнь Цзюэ только приготовился опереться на руку Чаннина, как крепкие руки Цзян Чуана обхватили его за талию и бережно спустили на землю.

— Устал? — раздался у самого его уха заботливый шёпот генерала.

Юноша опешил, но не успел он ответить, как руки мужа исчезли. Генерал отступил на шаг и с напускным недовольством проворчал:

— Какая морока.

Вэнь Цзюэ растерянно взмахнул рукой, теряя ориентир, но Чаннин вовремя подхватил его ладонь, бросив на зятя испепеляющий взгляд.

Бедный слуга и не подозревал, как сильно генерал сейчас клял себя за несдержанность. Ну надо же было так оплошать прямо посреди улицы!

«Паршивый император! Да когда ж ты наконец сдохнешь?!» – свирепо думал Цзян Чуан.